

OleTTa Vi

АКАДЕМИЯ РАЗБИТЫХ ЗЕРКАЛ
•ТОМ 2 ПЕПЕЛЬНЫЙ СКРИПТ•

OleTTa Vi

Академия разбитых зеркал.

Том 2. Пепельный скрипт

<https://litres.ru/73941491>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Отражение забрало его голос. Теперь оно пишет на его коже".

Прошло двенадцать лет с тех пор, как Новый Шпиль рухнул, похоронив под обломками Магистра. Но победа Сопротивления оказалась ловушкой. Город захлестнула терминальная стадия Стеклоанной Лихорадки — «Эхо-Шок». Мир раскололся на территории Осколочных Кланов, а выжившие прячутся в матовой темноте бункера «Фрагмент».

Элиас Осколок выжил, но цена была абсолютной. Книга Без Страниц превратила его тело в монолитный обсидиан, запечатав связки ледяным безмолвием. Теперь его дыхание — это тиканье сломанных часов, а правая рука генерирует Пепельный Скрипт: живую, пульсирующую карту вражеских цитаделей.

Чтобы спасти Искру Никс и ослепить Новую Академию, Элиасу придется поднять Осколочный Молот и пройти через круги подземного ада. Но что делать, если его собственное тело с каждым словом превращается в камень?

В томе: био-хоррор, масштабные диверсии, битва соавторов и битый хрусталь Стертого Мира.

Содержание

Глава 1. Тиканье в пустоте	5
Глава 2. Слепое небо	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

OleTTa Vi

Академия разбитых зеркал. Том 2. Пепельный скрипт

Глава 1. Тиканье в пустоте

(Часть 1: Пробуждение и бункер)

Элиас проснулся не от оглушительного звона приютского колокола, созывавшего сирот на утреннюю молитву, и не от грохота рушащихся хрустальных стен Академии. Он проснулся от тишины, которая была острее, холоднее и безжалостнее любого зеркального лезвия. Первые несколько секунд его сознание, истерзанное переходом через Грань, категорически отказывалось собираться воедино. В черепной коробке всё ещё гремел прощальный, сокрушительный взрыв Сердца Академии, а перед закрытыми глазами застыло бледное, прозрачное лицо Миры, рассыпающееся облаком сияющей лавандовой пыли. Мальчик рефлексивно, в панике потянулся рукой к собственному лицу, ожидая нащупать морозный иней Зазеркалья, въевшуюся в поры ртуть или рваные раны от разлетевшихся осколков Ядра. Но его дрожащие

пальцы коснулись не холодного, бездушного стекла. Они ощутили теплую, слегка влажную, живую человеческую кожу.

Он был цел. Его измученное тело вернуло себе прежнюю, осязаемую, земную плотность. Но мир вокруг него был безвозвратно сломан и пересобран заново по законам безумного стекольщика.

Комната, в которой он находился, представляла собой тесную, душную круглую капсулу, высеченную прямо в толще монолитного гранитного пласта. Стены были грубыми, неотёсанными, со следами тяжелых проходческих буров, и — что пугало сильнее всего — абсолютно матовыми. Здесь не было ни одного предмета, способного дать хотя бы малейший, едва заметный глазу блик. На прикроватной тумбочке стоял стакан для воды, но и он был грубо вылеплен из мутной, шершавой обожженной глины. Никакого пластика, никакого полированного металла. Даже шляпки тяжелых болтов, удерживающих каркас железной армейской кровати, были судорожно, в несколько слоев покрашены толстым слоем черной угольной сажи. Защита от отражений здесь граничила с паранойей.

Старинный медный хронометр на его шее вибрировал у самого сердца. Прибор был продет в прочный кожаный шнурок, а сам корпус наглухо закрыт массивной свинцовой пластиной-футляром. Но даже сквозь толщу свинца Элиас отчетливо слышал этот тяжелый, глухой ритм. Тик-так. Тик-

так. Время больше не стояло на месте, свернувшись в мертвую петлю Академии. Оно бежало вперед, неумолимо унося его всё дальше от той страшной ночи, когда сгорел приют «Серые холмы». Мальчик тяжело сел на кровати, и его суставы отозвались таким громким, сухим скрипом, что ему на мгновение показалось, будто он сам сделан из хрупкого, треснувшего фарфора.

В комнате никого не было. Элиас осторожно опустил босые ноги на холодный пол, который был по лодыжку засыпан мелкой, мягкой резиновой крошкой. Этот черный поглощающий материал Сопротивление использовало повсюду в бункере, чтобы полностью гасить любые звуки шагов и случайные вибрации. Голова кружилась так, словно он только что сошел с палубы корабля после годового шторма. Каждое движение давалось с нечеловеческим трудом, будто гравитация этой подземной реальности была втрое тяжелее, чем на воздушной Изнанке Академии. На Элиасе была только простая серая рубаша из грубого льна без пуговиц. Ведомый странным, инстинктивным чувством тревоги, он сделал несколько неуверенных шагов к тяжелой стальной двери. Она не была заперта. Стоило толкнуть её ладонью, как она со стоном отъехала в сторону по прорезиненным пазам, открывая путь в неизвестность.

Мальчик вышел наружу и сразу оказался в полумраке бесконечного, звенящего подземного лабиринта. Это место раньше было заброшенной секретной веткой правитель-

ственного метрополитена глубокого заложения, построенного на глубине тридцати метров под землей еще до того, как мир сошел с ума. Камень, гранит и плотная земля были единственной надежной защитой для выживших — эти природные материалы не имели отражающей способности, и магия Корвуса не могла просочиться сквозь них, как бы сильна она ни была на поверхности. Повсюду вдоль сводов тянулись пучки толстых силовых кабелей, наглухо обмотанных грубой, грязной мешковиной. В глубоких нишах бывших технических комнат и дренажных платформ сидели люди. Много людей. Но атмосфера здесь была пропитана не уютом спасенных, а тяжелым, давящим, липким страхом — первобытным страхом тех, кто прекрасно знал, что их злейший враг может следить за ними через обычную невысохшую лужу на полу.

Мальчик медленно шел вдоль ржавых рельсов, наполовину утопающих в черной резиновой пыли. В первом же крупном расширении тоннеля он увидел быт этого подземного города, скрытого от глаз тирана. Это была «Жилая зона №4». Вместо комнат или деревянных бараков здесь были плотно натянуты огромные брезентовые палатки армейского образца, выкрашенные в глубокий угольный цвет. Света почти не было — лишь редкие, тусклые лампы накаливания, закрытые толстыми матовыми абажурами, давали призрачное, бледно-желтоватое свечение, едва разгонявшее темноту.

Дети играли в полной, гнетущей темноте, перекатывая по

резиновому настилу беззвучные деревянные кубики. Элиас замер, заметив молодую женщину, которая тихо баюкала младенца у входа в одну из палаток. На её глазах были надеты глухие, абсолютно черные очки без стекол — просто сплошные полоски плотного матового пластика с крошечными, едва заметными горизонтальными прорезями-щелями. Люди здесь добровольно лишали себя нормального панорамного зрения, чтобы случайно, краем глаза, не поймать коварный, смертоносный зазеркальный блик. Мир внизу учился жить вслепую, чтобы просто не умереть.

Чуть дальше тоннель расширялся еще сильнее, переходя в колоссальный, гудящий технический цех — «Кузню Матовости». Воздух здесь мгновенно стал горячим, сухим, горьким. Он был насквозь пропитан тяжелыми парами кипящего свинца, машинного масла и жженой резины. Десятки рабочих в тяжелых, закопченных кожаных фартуках и плотных рукавицах плавил в огромных глиняных тиглях темный, лениво булькающий металл. Они отливали защитные бронелисты для подземного транспорта и судорожно заливали жидким свинцом любые, даже самые крошечные трещины в гранитных сводах тоннеля, сквозь которые могла сочиться грунтовая влага. Вода на полу была здесь главным, самым беспощадным врагом. Если капля ловила хоть один квант света, она мгновенно становилась порталом для Гончих Магистров. Каждый рабочий без исключения носил на поясе холщовый мешочек с сухой обсидиановой сажой, готовый в любую се-

кунду, не задумываясь, засыпать любое мокрое пятно под своими ногами.

Элиас остановился возле одного из самых больших горнов, где приземистый кузнец с лицом, покрытым сеткой старых ожогов, яростно мешал длинной железной кочергой густую черную массу. Мальчик заворуженно смотрел на пламя, но в этот момент тяжелая, жесткая рука в матовой перчатке легла на его плечо, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Том 2. Глава 1. Тиканье в пустоте

(Часть 2: Разговор в Кузне и Сара)

Кузнец резко обернулся, тяжело дыша от жара печи, и его суровый, изборожденный морщинами взгляд уперся в бледное лицо мальчика. Рука мастера, державшая кочергу, была обмотана толстым слоем матового брезента.

— Эй, малый, не стой на линии прямого огня, — проворчал он, отпихивая Элиаса свободным локтем в сторону гранитной стены. — Блик поймает от окалины — костей не соберешь. Ты откуда вообще такой взялся? На тебе лица нет, чисто восковая кукла из верхних кварталов.

— Я... я только что проснулся, — тихо ответил Элиас, с

трудом перекрикивая мерный гул вентиляционных шахт. Он указал пальцем на огромный чан, где медленно бурлила вязкая, дегтярно-черная масса, не отражавшая ни единой искры из горна. — Что это за состав? Почему он вообще не блестит?

Кузнец окинул его подозрительным взглядом, но, заметив на шее мальчика тяжелый свинцовый футляр хронометра, немного смягчился. Он вытер со лба соленый пот грязным, пропитанным сажей рукавом и оперся на кочергу, как на трость.

— Это «Слебая смола», парень. Основа всей нашей подземной жизни и единственный щит, который еще держит этот бункер на плаву. Мы берем обсидиановую породу из шахт, перемалываем её в тончайшую муку и смешиваем с чистым березовым дегтем и пеплом. Но самый важный, дефицитный секрет — это эссенция из Садов Забытых Имен. Слыхал про такие? Наши сталкеры совершают вылазки к руинам сгоревшего приюта и собирают там хрустальную кору, оставшуюся от рухнувших секторов твоей проклятой Академии. Мы вывариваем эту кору в кислоте, чтобы полностью выжечь из неё Блик. Получается чернильный концентрат, который не просто закрашивает железо, а физически впитывает в себя свет. Он гасит любую чистоту зеркального излучения. Стоит Амальгамной Гончей коснуться брони, покры-

той этой смолой — и её ртуть тут же застывает, превращаясь в сухой, крошащийся серый цемент. Каждый патрон, каждая капсула для пневматики Сары отливается здесь, вручную. Тяжелая работа, парень. Но камень, свинец и сажа — единственное, что еще отделяет нас от превращения в хрустальные чучела в личной коллекции Магистра. Так что иди давай своей дорогой к лазарету, не мешай ковать нашу слепоту.

Элиас двинулся дальше по рельсам, чувствуя, как горький, маслянистый дым въедается в легкие, заставляя судорожно сглатывать слюну. Мир вокруг казался огромной, шероховатой фабрикой, где люди сознательно уничтожали всё красивое и гладкое ради одной цели — выжить. Но не успел он пройти и десятка метров, как чья-то ледяная, жесткая ладонь в тактической матовой перчатке легла на его правое плечо, заставив мальчика вздрогнуть от неожиданности.

— Тебе не следовало выходить из изолятора без официального разрешения, Элиас, — резкий, лишенный былых детских эмоций голос Сары заставил его мгновенно обернуться.

Она стояла прямо за его спиной, словно соткавшись из глубокой тени технического тоннеля. На ней был надет тяжелый бронежилет, полностью покрытый слоем шероховатого полимера, а за спиной висел массивный матовый ствол пнев-

матической винтовки. Её коротко подстриженные рыжие волосы были плотно убраны под темную бандану, а карие глаза смотрели на него со строгой, почти военной суровостью, в которой, однако, угадывалась застарелая, вековая усталость.

— Я просто хотел увидеть... во что превратился этот город, — тихо произнес Элиас, опуская глаза.

— Твоего города больше нет, Осколок. Забудь про него. Теперь есть только этот бункер и война на поверхности, — Сара крепко перехватила его за запястье и настойчиво повела обратно вглубь технического коридора. — Быстрее. Доктор Вебер уже два часа ждет тебя в секторе глубокого сканирования. Твоя Искра ведет себя слишком нестабильно после перехода через Грань. Мы должны трижды убедиться, что ты не притащил в своих ладонях фантомный хвост из зазеркальной ртути Академии. Если ты фонишь — ты подставишь под удар весь бункер.

Сектор глубокого сканирования, куда они пришли через систему тройных шлюзов, больше напоминал лабораторию алхимика-безумца, чем медицинский кабинет. Здесь полностью отсутствовало какое-либо электронное оборудование — никаких мерцающих мониторов, диодов или глянцевых экранов. По углам комнаты стояли громоздкие медные линзы на треногах, улавливатели световых частот с матовыми

раструбами и глубокие баки, заполненные бурлящей угольной кислотой. В центре зала на массивном табурете, отлитом из чистой меди, сидел доктор Вебер. Это был сутулый, худой старик в потрепанном шерстяном свитере. Он потерял оба глаза двенадцать лет назад, во время самого первого прорыва ртутных волн Академии в наш мир, и теперь носил на лице глухую кожаную повязку. В эту повязку были вшиты тонкие серебряные иглы механических эхо-датчиков, которые ритмично, с сухим тиканьем стрекотали, улавливая малейшие колебания воздуха вокруг.

— Сажай его на медь, Сара, — не оборачиваясь и даже не шевелясь, произнес старик. Его голос прозвучал так сухо, словно шуршали страницы старой, забытой на чердаке Книги Без Страниц. — Я слышу, как его часы бьются о ребра сквозь слой свинца. Слишком быстрый, лихорадочный ритм. Слишком горячий для этого мира. Мальчик принес с собой чужое время.

Элиас послушно опустился на жесткое медное сиденье, чувствуя, как холод металла мгновенно пробивает тонкую ткань его серой рубахи. Вебер медленно поднялся, опираясь на суковатую трость, и подошел к нему вплотную. Из кармана своего свитера старик достал два тяжелых, массивных латунных камертона, покрытых темным налетом патины. Он с силой ударил их друг об друга прямо над ухом Элиаса.

Раздался низкий, густой, вибрирующий гул, который мгновенно заполнил всё пространство лаборатории. Звуковая волна физически давила на барабанные перепонки, но самое страшное произошло внутри тела Элиаса. Белый шрам на его правой ладони — тот самый след от контакта с Книгой Без Страниц — мгновенно отреагировал на эту частоту. Кожу обожгло дикой, невыносимой болью, словно к руке прижали кусок раскаленного железа. Прямо под кожей Элиаса, на глазах у испуганно отшатнувшейся Сары, из белого шрама начали стремительно выползать угольно-черные, похожие на тушь капилляры. Они двигались, извиваясь как живые чернильные нити, быстро продвигаясь от ладони вверх по предплечью, заставляя всю руку мальчика мелко и судорожно дрожать.

Том 2. Глава 1. Тиканье в пустоте

(Часть 3: Сканирование и фантом Никс)

— Держи его, Сара! Не дай ему сорвать контур! — хрипло выкрикнул доктор Вебер, отбрасывая латунные камертоны в сторону.

Старик судорожно нащупал на стене массивный медный рычаг и со всей силы потянул его вниз. Тяжелые маховики, скрытые за гранитной обшивкой стены, пришли в движение.

Медные иглы-заземлители, торчавшие из основания стула, с сухим щелчком вонзились глубоко в гранитный пол, пуская по металлическому сиденью мощную, низкочастотную звуковую волну, от которой у Элиаса мгновенно заныли зубы.

В ту же секунду воздух в центре стерильной лаборатории заколебался, словно над раскаленным асфальтом в летний зной. Плотный полумрак комнаты прорезала резкая, фосфоресцирующая фиолетовая вспышка Блика. Из сизого, пахнущего озоном и лавандой тумана прямо посреди комнаты начала стремительно соткаться полупрозрачная, призрачная фигура.

Элиас рванулся вперед, едва не сорвав медные крепления, но Сара мертвой хваткой удержала его за плечи. Из тумана на них смотрела Никс.

Её лицо было бледным, почти прозрачным, а из пустой правой глазницы, где раньше находился её механический окуляр, медленно и непрерывно текла густая, черная струйка ртутного масла. Её руки были скованы тяжелыми хрустальными цепями, которые уходили вверх, растворяясь в темноте потолка. Она выглядела изможденной, испуганной, но её призрачный взгляд был устремлен прямо на Элиаса.

— Элиас... — её голос прозвучал тихо, как слабое эхо из очень глубокого, заброшенного колодца. — Контур... они замкнули контур Новой Академии на мою память. Не верь тишине этого города, Элиас... Магистр держит меня на самом

верхнем ярусе Шпиля, прямо над Залом Наблюдения. Мой окуляр... они вырвали его и вшили в центральное ядро башни. Корвус транслирует все мои воспоминания о тебе напрямую в ртутные датчики Искателей. Он знает... он знает частоту твоих часов... Беги...

Призрачная фигура Никс судорожно дернулась, её тело пошло глубокими зеркальными трещинами, и в ту же секунду доктор Вебер с силой вернул рычаг в исходное положение, обрывая подачу звуковой волны. Фантом девочки мгновенно рассыпался на тысячи мелких, фиолетовых искр, которые растаяли в душном, матовом воздухе лаборатории, не оставив после себя ничего, кроме едва уловимого аромата сухих цветов.

В комнате снова воцарилась тяжелая, гнетущая темнота. Элиас сидел на медном стуле, его грудь бурно вздымалась, а с лица крупными каплями катился холодный пот. Черные «чернильные» линии на его правом предплечье замерли, медленно бледнея и превращаясь в неподвижную, сложную татуировку, напоминающую страницы раскрытой книги.

— Что это было, черт возьми?! — мальчик вскочил на ноги, дико оглядываясь по сторонам. — Вы сказали, что Академия уничтожена! Вы сказали, что все погибли!

Доктор Вебер тяжело опустился в свое старое кресло. Се-

ребряные иглы его эхо-датчиков на повязке бешено, хаотично застрекотали, улавливая прерывистое дыхание ребенка. Старик устало потер переносицу под кожей.

— Это остаточная частота твоей собственной Книги, Осколок. Ментальное эхо, которое ты принес с собой сквозь двенадцать зим, — Вебер поднял свою слепую голову, и Элиасу показалось, что кожаная повязка старика смотрит на него с глубоким сожалением. — Книга Без Страниц, которую ты уничтожил в Шпиле, не исчезла бесследно. Она использовала твою живую, человеческую кровь как чернильницу. Она полностью переписала твою биологическую хронологию, Элиас. Твое тело теперь само стало живой Книгой. Ты — Автор этой новой Изнанки. Каждое зараженное зеркало, к которому ты прикоснешься на поверхности, будет оставлять на твоей коже свой чернильный след. Ты будешь впитывать их частоту, их боль, их страшную историю. Чернила будут ползти вверх по твоей руке. И то, что ты сейчас увидел через резонанс камертонов — это чистая, жестокая правда. Твоя подруга Никс действительно жива. Но Корвус превратил её тело в центральный живой предохранитель своего Нового Шпиля на поверхности. Он выкачивает её Искру, чтобы питать зеркальные панели башни. Если Магистр поймает тебя и заставит твою руку написать финальную страницу этой реальности — наш мир навсегда застынет внутри его мертвых хрустальных галерей. У нас не будет даже этого подзе-

мелья.

Сара подошла к Элиасу, её лицо под банданой стало землисто-серым. Она жестко, без лишних слов взяла его за руку и повела прочь из лаборатории.

— Время сантиментов вышло, Элиас. Теперь ты знаешь, ради чего мы рискуем, — бросила она через плечо, ускоряя шаг.

Они прошли сквозь тройную систему матовых герметизаторов и оказались в центральном транспортном депо бункера «Фрагмент». Здесь было прохладно, пахло сырым бетоном, бензином и едким оружейным маслом. В самом центре зала, на фоне массивных тубингов тоннеля, высился колоссальный бронированный инкассаторский грузовик, полностью перекрашенный в шероховатый черный цвет — «Фрактал-1». Вместо привычных стекол на кабине были наглухо наварены тяжелые стальные листы, а на крыше медленно, со злобещим жужжанием вращалась круглая турель оптического локатора.

Вокруг машины сустились трое бойцов Сопротивления, крепивших к бортам ящики с боеприпасами. Когда они увидели приближающегося Элиаса, они мгновенно, как по команде, замерли. Их движения стали натянутыми, а руки большинства из них непроизвольно опустились на рукояти

тяжелых пневматических пистолетов, висевших на поясах. Для этих суровых людей, выживавших под землей двенадцать долгих лет, тринадцатилетний мальчик, который ни на день не повзрослел с момента катастрофы в «Серых холмах», был опасным, непредсказуемым привидением. Выходцем из того самого зеркального ада, который уничтожил их прежние жизни.

— Отставить панику, — ледяным тоном бросила Сара, подходя к капоту броневика и демонстративно хлопая по нему ладонью. — Это Элиас. Осколочный Маг. И сегодня ночью он идет в составе моей штурмовой группы в Пятый Квартал. Вопросы есть?

Высокий, шрамированный мужчина по имени Марк, руководивший погрузкой тяжелых баллонов с сажей, медленно сделал шаг вперед. Его лицо перекосилось от ярости, а единственный здоровый глаз сузился, разглядывая мальчика.

Том 2. Глава 1. Тиканье в пустоте

(Часть 4: Стычка с Марком в депо)

Марк бесцеремонно сократил дистанцию, и от него остро пахло кислым потом, дешевым табаком и машинной смазкой. Прежде чем Сара успела вскинуть руку, мужчина резко

выбросил ладонь вперед, ухватил Элиаса за воротник серой рубахи и с силой рванул на себя. Ткань с треском натянулась, обнажая шею мальчика и вытаскивая наружу тяжелый, закованный в свинец корпус хронометра.

— Ты совсем с ума сошла, Сара?! — взревел Марк, и его хриплый голос эхом разнесся по гулкому своду депо, заставив остальных бойцов вскинуть головы. — Ты тащишь на боевую операцию ходячую бомбу! Посмотри на этот прибор! Его частота пробивает даже свинцовую обшивку дока Вебера. Стоит нам выехать за ворота шлюза, как Амальгамные Гончие Корвуса со всего города слетятся на этот стук, как слепые мухи на падаль. Я потерял брата в Пятом Квартале не для того, чтобы сдохнуть сегодня ночью из-за приютского выродка! Отдай мне часы, парень, пока я не снял их вместе с твоей башкой!

Марк судорожно, с силой потянул за прочный кожаный шнурок, пытаясь сорвать артефакт. Но стоило его грубым, покрытым мозолями пальцам прикоснуться к холодному металлу свинцового чехла, как черные вены на руке Элиаса яростно запульсировали.

Мальчик сам не понял, как это произошло. Первородная, ледяная «Тишина» Изнанки, спавшая до этого момента внутри его белого шрама, вырвалась наружу мощной, неконтролируемой волной. Воздух вокруг правого кулака Элиаса

мгновенно сгустился, потяжелел и потемнел, превратившись в вязкое чернильное марево, физически поглощавшее свет люминесцентных ламп. Элиас наотмашь ударил Марка по руке.

Звук удара был похож на хруст ломающегося льда. Марка отбросило назад с такой неестественной силой, что он с грохотом отлетел на капот броневика «Фрактал-1», сминая тяжелый стальной лист и тяжело, хрипло дыша. Мужчина судорожно схватился за свою ладонь. Его пальцы — те самые, которыми он мгновение назад касался свинцового футляра часов — прямо на глазах потрясенных бойцов начали стремительно порываться густым, бархатистым слоем серой матовой копоты, словно их на пару секунд опустили в жерло раскаленной печи. На ощупь они стали шершавыми и сухими, полностью лишившись кожной влаги.

В транспортном депо мгновенно наступила гробовая, звенящая, мертвая тишина. Двое бойцов у бортов инкассаторского грузовика, повинувшись годами выработанному рефлексу, со щелчком взвели затворы своих пневматических винтовок и направили стволы прямо в грудь тринадцатилетнего мальчика. Элиас стоял посреди резинового настила, его правая ладонь со шрамом светилась яростным, пронзительным синим огнем, а черные чернильные линии на запястье продвинулись еще на один дюйм вверх по предплечью, заставляя мышцы руки судорожно сокращаться.

— Опустите оружие! Все до единого! Немедленно! — ледяной голос Сары прозвучал как командный выстрел над ухом штурмовиков.

Она мгновенно сделала шаг вперед и встала между бойцами и Элиасом, полностью загоразивая мальчика своим телом от прицелов винтовок. Её ладонь легла на матовый ствол ближайшего автомата, с силой опуская его к полу.

— Марк, еще одно движение в сторону этого ребенка без моего прямого приказа, и я лично закрасшу твои глазные прорези «Слепой смолой» прямо здесь, в депо, — Сара обернулась и смерила шрамированного бойца тяжелым, испепеляющим взглядом. — Элиас — единственный во всем «Фрагменте», кто способен физически гасить контур зараженных зеркал на поверхности без использования дефицитной взрывчатки. Без его Искры вся ваша хваленая операция «Слепое Небо» — это просто организованный поход на коллективное кладбище. Он идет со мной. Это решение Совета.

Марк тяжело, со стоном поднялся с помятого капота грузовика, непрерывно потирая обожженную, покрытую копотью руку и злобно, с явным страхом глядя на мальчика из-под нависших бровей.

— Он чудовище, Сара... Ты сама это видишь, — процедил

он сквозь зубы, сплевывая кровь из разбитой губы на черную резиновую крошку пола. — Он точно такой же фантом, как и те твари, что строят башню в центре. Вы еще проклянете тот день, когда решили открыть ту сосновую дверь на пепелище приюта.

Сара проигнорировала его слова. Она повернулась к Элиасу, её взгляд на секунду смягчился, и она протянула ему тяжелый, тугой сверток штурмового комбинезона Сопротивления, который до этого лежал на водительском сиденье машины.

— Надевай это, Осколок, — тихо, но твердо сказала она. — Время разговоров и взаимных обид закончилось. Шлюзы открываются через пять минут.

Элиас медленно, стараясь унять дрожь в коленях, развернул плотную ткань. Это был тяжелый матовый костюм, сшитый из специального трехслойного полимера, который наощупь напоминал плотную шероховатую резину. Костюм был разработан так, чтобы полностью поглощать любые световые волны и не возвращать назад ни единого кванта отражения. К нему прилагались жесткие кожаные перчатки без пальцев, тяжелые армейские берцы на толстой подошве и глухая маска-сетка, полностью скрывающая лицо от внешнего мира.

Пока мальчик торопливо переодевался в темном углу де-

по, застегивая тугие карабины на груди и коленях, Сара разложила на капоте «Фрактала-1» карту города, напечатанную на грубой, серой, небликующей бумаге.

— Наша цель — парикмахерская «Лючия» в самом центре Пятого Квартала, — она указала пальцем на сектор, обведенный жирным черным маркером. — Это бывший элитный район модных бутиков и салонов красоты. Самое опасное и непредсказуемое место в городе. Там в каждом метре — потенциальная зеркальная ловушка. Трюмо в парикмахерской проснулось сегодня ночью. Оно уже полностью «выпило» наш передовой авангард из трех человек. Их тела сейчас стоят там как безжизненные восковые куклы, а их тени начали активную охоту за выжившими в соседних жилых домах. Марк, ты и твоя группа прикрытия обеспечиваете жесткий периметр снаружи здания. Внутрь салона заходим только я и Элиас. Твоя задача, парень — подойти к трюмо вплотную, сорвать перчатку и прижать свой шрам к самому полотну. Ты должен выпить эту ртутную магию обратно, полностью стереть её отражение. Ты меня понял?

Элиас взял в руки тяжелую Матовую Сферу, наполненную обсидиановой сажей. Шар был холодным, весомым. Из-под его новой тяжелой одежды доносилось глухое, едва слышное постукивание хронометра. Тик-так. Он больше не был тем испуганным сиротой, которого Корвус увёз в карете. Внутри

него жила Пустота Книги Без Страниц, и теперь она была готова к своей первой настоящей охоте на поверхности земли.

Том 2. Глава 1. Тиканье в пустоте

(Часть 5: Шлюз и выезд на поверхность)

— Я понял, — тихо повторил Элиас, натягивая на лицо глухую маску-сетку и фиксируя её тугими ремнями на затылке. — Я готов увидеть, во что Корвус превратил этот мир за двенадцать лет моей тишины.

— Тогда по коням, — Сара резко хлопнула ладонью по матовой броне инкассаторского грузовика. — Слепое небо ждалось своего Автора. Марк, води группу прикрытия ко второму выезду. Встречаемся в точке «Ноль» через пятнадцать минут. И не смей включать рации на средних частотах.

Элиас, Сара и кот Стеклярус быстро забрались внутрь тесного, пахнущего старым железом десантного отсека «Фрактала-1». Тяжелая стальная дверь грузовика с глухим, резиновым стоном закрылась, полностью погружая их в плотную темноту, которую едва разгонял тусклый зеленоватый свет тактических приборов на приборной панели водителя. Машина судорожно вздрогнула, когда мощный дизельный двигатель завелся, наполняя всё пространство низким, вибри-

рующим гулом.

Грузовик медленно тронулся с места, шурша шинами по резиновой крошке пола, и покатился по направлению к первому шлюзу дезинфекции бункера. Элиас сидел неподвижно, вцепившись пальцами в холодный металл Матовой Сферы. Сквозь плотную ткань комбинезона он чувствовал, как свинцовый чехол хронометра на его шее постепенно нагревается. Часы словно знали, что они приближаются к границе подземного мира, и их внутренний маятник бился о медные стенки корпуса с яростным, глухим упорством. Тик-так. Тик-так. Этот звук теперь казался Элиасу единственным якорем, удерживающим его в реальности.

«Фрактал-1» остановился внутри герметичной камеры Первого Шлюза. Сзади со стоном опустилась многотонная стальная плита, отрезая их от центрального депо «Фрагмента». Из потолочных форсунок с шипением вырвались плотные струи мелкодисперсного раствора матовой кислоты. Этот состав обволакивал корпус машины, мгновенно выжигая любые микроскопические частицы ртутной пыли или зеркального налета, которые могли остаться после предыдущих вылазок сталкеров. В окуляры смотровых щелей Элиас видел, как по броне липкими черными каплями стекает отработанная химия, унося в дренаж остатки зазеркальной заразы.

— Контур чист, — раздался в динамиках наушников су-

хой механический голос дежурного по шлюзу. — Открываю внешние ворота Пятого сектора. Удачи, Сопротивление. Постарайтесь вернуться с оригинальными лицами.

Впереди, скрежеща тяжелыми цепями и гидравлическими поршнями, начала медленно подниматься колоссальная внешняя гермодверь. Она была сделана из трех слоев корабельной стали, проложенных матовыми гранитными плитами. По мере того как щель внизу расширялась, внутрь шлюза начал лениво заползать липкий, сырой, ледяной ночной туман поверхности. От него остро пахло мокрым асфальтом, гарью и тем самым удушливым, приторным ароматом паленой лаванды, который Элиас так хорошо помнил по Залу Сердца в Академии.

Машина медленно двинулась вперед, покидая безопасное чрево подземного бункера. Колеса грузовика тяжело переходили через массивный стальной порог и мягко шлепнули по мокрой грязи поверхности.

Элиас прильнул глазом к узкой прорези маски, пытаясь рассмотреть хоть что-то сквозь серую пелену тумана за бортом. Настоящее небо над его головой больше не было фиолетовым или багровым, как в Академии. Оно было глубоким, бархатисто-черным, но на нём не горело ни одной живой звезды — всё пространство над городом заволочло плотным слоем низких, тяжелых туч, которые ловили бледное ртутное сияние Нового Шпиля, стоявшего где-то в центре

мегаполиса.

Мальчик посмотрел на свою правую ладонь в перчатке без пальцев. Белый шрам под тканью мелко покалывал, а черные чернильные капилляры на предплечье едва заметно пульсировали, словно живой компас, настраиваясь на частоту проснувшегося трюмо в парикмахерской «Лючия». Книга Без Страниц внутри его плоти перевернула свою первую главу. Старая жизнь приютского сироты и ученика Академии осталась далеко позади, заблокированная тоннами гранита и двенадцатью годами чужого времени. Впереди его ждал новый, хрупкий мир «Стеклянной Лихорадки», где каждое зеркало было смертельным врагом, а он сам был единственным человеком, способным заставить эту реальность замолчать навсегда.

Грузовик «Фрактал-1» окончательно скрылся в густом ночном тумане, увозя штурмовую группу Сопротивления в мертвую зону Пятого Квартала.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ВТОРОГО ТОМА.

Глава 2. Слепое небо

(Часть 1: Поездка по мертвым зонам и лор)

Тяжелый бронированный инкассаторский грузовик «Фрактал-1» продвигался сквозь руины Пятого Квартала со скоростью изнуренного, осторожного пешехода. Сара вела машину в абсолютной, звенящей темноте, полностью отключив фары, габаритные огни и даже внутреннюю подсветку приборной панели. Вся навигация Сопротивления в этой ночной вылазке подчинялась лишь тусклым зеленым контурам тепловизора и телепатическим подсказкам Стекляруса, который сидел на приборной панели, намертво прижавшись хрустальной мордой к матовому лобовому стеклу. Использовать любой искусственный источник света на разрушенной поверхности города было равносильно смертному приговору. Малейший случайный луч, отразившись от брошенного куска глянцевого пластика, осколка оконного стекла или хромированного бампера старой машины, мгновенно создал бы векторную наводку для Амальгамных Гончих. А эти твари Корвуса не знали жалости.

Элиас сидел в тесном десантном отсеке, намертво зажатый между ящиками с матовыми патронами и тяжелыми баллонами с обсидиановой сажой. Он сильно прижимался

лбом к шероховатой металлической обшивке борта. Ткань его нового комбинезона, прошитая медными нитями «заземления», неприятно колола кожу, но мальчик не обращал на это внимания. Через узкую, закрытую тройной сеткой вентиляционную щель внутрь машины проникали звуки живого ночного кошмаров. Мегполис, который Элиас помнил ярким, шумным и никогда не спящим, теперь дышал тяжелым, прерывистым, чахоточным хрипом.

Откуда-то издалека, со стороны центральных проспектов, доносился низкий, монотонный, сводящий с ума гул. Это на пределе мощности работали колоссальные шлифовальные машины Зеркальников. Эти религиозные фанатики Лихорадки круглые сутки, не останавливаясь ни на секунду, полировали гранитные мостовые вокруг Нового Шпиля специальными пастами, постепенно превращая весь исторический центр города в одно гигантское, безупречно гладкое зеркало под открытым небом. Корвус стирал шероховатость земли, готовя её к полному слиянию со своей Академией.

— Мы въезжаем в «Слепую зону», — глухой, искаженный мембраной рации голос Сары раздался в наушнике Элиаса. — Раньше это был процветающий спальный район. Около сорока тысяч жителей. Смотри в щель, Осколок, но если в твоём кармане хотя бы на секунду зажжется искра — я лично выкину твои часы в ртутную лужу.

Мальчик осторожно прильнул к вентиляционному отверстию. В тусклом, серо-зеленом люминесцентном свете неба, лишённого нормальных звезд, перед ним потянулись бесконечные ряды пятиэтажных кирпичных домов. Они выглядели как уродливые скелеты доисторических животных с пустыми, жуткими глазницами. Все окна до единого — тысячи стеклянных проемов — были густо, небрежно замазаны толстым слоем черного дегтя, маслянистой грязи или просто заколочены кусками старой фанеры. На некоторых балконах Элиас замечал странные, громоздкие конструкции, собранные из ржавых водопроводных цепей, старых чугунных сковородок и консервных банок. Это были самодельные «погремушки». Соппротивление устанавливало их на крышах и балконах для отпугивания бродячих осколков Академии. Когда поднимался ветер, эти железки начинали дико, хаотично грохотать, перекрывая своим шумом тонкий, кристальный, сводящий с ума звон приближающейся Лихорадки.

На одном из перекрестков грузовик сильно тряхнуло. Сара резко выкрутила руль, уходя с открытого участка дороги на обочину, под навес заброшенной заправочной станции. Они едва не наехали на брошенный легковой автомобиль. Машина была полностью покрыта толстым слоем матовой серой краски, предохраняющей металл от бликов, но её боковое стекло заднего вида оказалось разбито. Из салона автомобиля через оконный проем наружу торчала человеческая рука. Кожа на этой руке была неестественно бледной,

идеально гладкой и маслянисто блестящей, словно её отлили на фарфоровом заводе из дорогого белого материала.

— Очередной несчастный дурак решил посмотреть на себя в зеркало, чтобы проверить, не началась ли инфекция, — прокомментировал Стеклярус. Его линзы-глаза тускло мерцали в темноте десантного отсека, а деревянная лапа глухо постукивала по железному полу. — Процесс тотальной кристаллизации занимает ровно сорок минут, Осколочный. Сначала каменеют подушечки пальцев, затем жидкая ртуть поднимается по венам предплечья прямо к плечу, выжигая живое тепло. Когда твое сердце превращается в стеклянный маятник, ты делаешь свой последний шаг... и контур замыкается. Корвус забирает твои мысли, твою память, твою душу, оставляя на обочине лишь пустую, безжизненную восковую куклу для своей коллекции.

Элиас невольно прижал ладонь к своей груди, где под комбинезоном скрывался хронометр. Свинцовый чехол, который доктор Вебер изготовил перед их выездом, приятно холодил кожу через рубаху, но мальчик физически чувствовал, как внутри старинного медного прибора пружина механизма сжимается всё сильнее и сильнее. Часы словно сопротивлялись этой искусственной, тяжелой слепоте. Они вибрировали, требуя вернуть им их прежний, законный ритм.

— Сара, — негромко позвал Элиас, настраивая микрофон маски. — Если мы не сможем их остановить... Если они достроят Новый Шпиль в центре города... Что будет с остальным миром? С теми людьми, которые еще прячутся в подвалах?

Грузовик снова подпрыгнул на глубокой колдобине. Сара выждала несколько секунд, прежде чем ответить, внимательно вглядываясь в серую пелену тумана за лобовым стеклом.

— Мира за пределами Шпиля просто не останется, Элиас, — её голос прозвучал удивительно спокойно, но от этой интонации у мальчика по спине пробежала ледяная судорога. — Корвус не просто строит здание. Он хочет полностью вернуть ткань реальности наизнанку. Он создаст мир, где все физические объекты — эти дома, деревья, наши с тобой тела — станут лишь бледными, временными, ничего не значащими тенями. А настоящая, вечная жизнь будет происходить только там, внутри его зеркальных галерей, под куполом Новой Академии. Это будет идеальная, абсолютная тюрьма, из которой никто и никогда не сможет сбежать. Знаешь почему? Потому что бежать будет просто некуда. Земля превратится в слепой, мертвый, выжженный булыжник, летящий сквозь пустоту космоса.

Дождь над Городом Слепых Отражений начался ровно в

полночь, как и предсказывал доктор Вебер. Но это были не обычные водяные капли, несущие прохладу. С фиолетового неба на мостовую летел тяжелый, густой, вязкий ртутный конденсат. Капли с тихим, отчетливым металлическим звуком ударялись о бронированную крышу фургона Сопротивления, мгновенно превращаясь на окрашенном металле в живые, дрожащие шарики. Они не впитывались, а судорожно скатывались в дренажные желоба, сливаясь в тонкие серебряные ручейки.

Элиас проверил крепления на своих матовых накладках. Напряжение в десантном отсеке достигло предела. Марк, сидевший напротив него с зажатой между коленей винтовкой, не сводил с мальчика злобного взгляда своего единственного глаза. Черные вены на правом запястье Элиаса начали мелко покалывать, отзываясь на каждую ртутную каплю, падавшую снаружи. Книга Без Страниц внутри его плоти просыпалась. Она чувствовала близость врага.

— Подстанция «Омега-3» за следующим перекрестком, — Сара резко передернула затвор своей пневматики. — Она питает весь южный сектор зеркальных панелей Нового Шпиля. Если мы вырежем её контур, четверть башни ослепнет на тридцать минут. Это наш единственный шанс пробить барьер и подобраться к ядру. Приготовься, Осколок. Нас ждут.

Том 2. Глава 2. Слепое небо

(Часть 2: Ртутный дождь и появление Гончей)

Фургон резко, без предупреждения затормозил, отчего ящики с патронами глухо звякнули за спиной Элиаса. Боковая стальная дверь отсека со свистом отъехала в сторону по прорезиненным пазам, и внутрь машины хлынул сырой, ледяной воздух поверхности. Он был настолько холодным, что легкие мальчика мгновенно отозвались резкой, колющей болью, а во рту появился стойкий, отчетливый привкус окислившегося серебра и паленой лавандовой коры.

— На выход. Дистанция между бойцами — три шага. Головы не задирать, под ноги не смотреть, ориентироваться только на матовый затылок идущего впереди, — скомандовала Сара, первой бесшумно соскальзывая с подножки грузовика в густую придорожную грязь.

Элиас шагнул следом, и его тяжелые армейские берцы глухо шлепнули по мокрому асфальту. С неба непрерывно лил вязкий ртутный конденсат. Серебряные капли с сухим, металлическим стуком ударялись о матовую ткань его шлема-сетки, скатывались по плечам и с тихим шипением исчезали в лужах. Земля под его ногами казалась живой и опасной: на поверхности грязной воды постоянно перетекали,

вздувались и лопались ртутные пузыри, ловившие бледные отсветы далекого Шпиля. Черные вены на правом запястье Элиаса зудели и покалывали всё сильнее, словно под кожей шевелились сотни микроскопических насекомых. Книга Без Страниц внутри его предплечья жадно впитывала вибрации зараженного города.

Стеклярус двигался параллельно группе. Кварцевый кот беззвучно скользил по обгоревшим карнизам пятиэтажек над их головами. Бойцы Сопротивления заранее обмотали три его хрустальные лапы плотными кусками черной изолен-ты, чтобы их звон не выдал засаду. Маленький прибор на его спине — детектор зеркальной частоты — едва заметно пульсировал бледным желтоватым светом, предупреждая, что периметр находится под невидимым контролем Искателей.

Они быстро продвигались вдоль бесконечного, глухого забора заброшенного трамвайного депо. Весь этот сектор города казался абсолютно вымершим, погруженным в летаргический сон. Железные двери подъездов жилых домов были наглухо заварены толстыми стальными балками, а из темных вентиляционных отдушин подвалов доносился жуткий, ритмичный, синхронный шепот. Десятки людей, запертых в темноте своих квартир, раскачивались из стороны в сторону и без умолку читали беззвучные молитвы собственным отражениям. Лихорадка выжигала их разум изнутри, превращая в покорное эхо Магистра.

Впереди, в самом конце переуллка, из серой пелены туман-

на начало медленно проступать массивное здание подстанции «Омега-3». Оно выглядело как циклопический бетонный куб, опутанный толстыми медными шинами заземления. Из его узких окон-бойниц во тьму бил ровный, мертво-серебристый свет высокого напряжения. Но дойти до него группа не успела.

Стеклярус на карнизе резко замер, выгнул спину дугой и издал короткий, угрожающий, шипящий звук, который мгновенно раздался в наушнике каждого бойца. Прибор на спине кота яростно замигал тревожным багровым огнем.

— Контур пробит! Всем замереть! — скомандовала Сара, мгновенно падая на одно колено и вскидывая матовый ствол своей пневматической винтовки.

Из густого тумана на противоположной стороне улицы, со скрежетом и металлическим шорохом, медленно выросла колоссальная фигура. Это существо когда-то отдаленно напоминало гончего пса, но теперь в нём не осталось ни единой капли живой биологии. Всё тело монстра состояло из кипящей, постоянно перетекающей жидкой ртути, которая бурлила и вздувалась крупными пузырями, словно ведьмино зелье в котле. У твари полностью отсутствовали привычные лапы и кости — вместо них из ртутного торса торчали шесть длинных, тонких, суставчатых стальных спиц, напоминающих лапы гигантского насекомого. При каждом шаге

эти иглы с пронзительным, режущим уши скрежетом вонзались глубоко в мокрый асфальт, высекая фонтаны серебряных брызг.

Но самым кошмарным было то, что находилось на месте её морды. Там не было ни пасти, ни глаз — лишь идеально ровный, вертикальный зеркальный разлом шириной в ладонь. В глубине этого разлома, прямо за мерцающим стеклом, бешено и хаотично вращался колоссальный обсидиановый зрачок, который ловил малейшие тепловые и ментальные колебания воздуха. Гончая замерла посреди мостовой, её зеркальная морда медленно повернулась в сторону темного переулка, где затаился отряд Сопротивления. Из её ртутного тела не доносилось ни рычания, ни дыхания — вместо этого чудовище издало жуткий, сухой, вибрирующий звук, в точности похожий на быструю, безумную прокрутку шестеренок сломанных настенных часов.

— Амальгамная Гончая... — прошептал Марк, сидевший слева от Элиаса, и его рука с винтовкой заметно дрогнула. — Проклятье, Сара, их не должно быть в этом секторе. Она выследила нас по частоте.

Тварь Корвуса на секунду припала к земле, её стальные спицы подогнулись, а ртутное тело вытянулось в струну. Зеркальный разлом на её морде вспыхнул ослепительным серебряным сиянием, отражая бледное небо.

— Она готовится к прыжку! Ложись! — закричала Сара и резко нажала на спусковой крючок.

Капсула с «Черной Амальгамой» с сухим хлопком вылетела из ствола её пневматики и на огромной скорости врезалась точно в жидкую грудь чудовища. Капсула лопнула, мгновенно покрыв переднюю часть гончей толстой, вязкой, угольно-черной матовой коркой, которая должна была полностью заблокировать её контур. Но это не помогло. Жидкая ртуть внутри монстра просто сделала волнообразное движение: металл перетек со спины на живот, силой выталкивая зараженную матовую краску наружу, словно инородное тело. Черная смола хлопьями полетела в грязь, а гончая с диким металлическим визгом сорвалась с места, превращаясь в парящую над асфальтом серебряную стрелу. Она летела прямо на Элиаса.

Том 2. Глава 2. Слепое небо

(Часть 3: Бой с Гончей и спасение сна)

Серебряная стрела, в которую превратилась гончая, преодолела разделявшее их расстояние за долю секунды. Воздух вокруг летящей твари свистел и вибрировал, как от пролета артиллерийского снаряда, а от её кипящего тела во все сто-

роны летели брызги раскаленной ртути. Эти капли прожигали матовое покрытие на мусорных баках и стенах домов, оставляя после себя дымящиеся, сквозные дыры.

Сара успела выстрелить еще дважды, но жидкий металл гончей просто поглощал капсулы, мгновенно очищаясь от черной краски. С ужасающим сухим хрустом длинные стальные спицы её лап ударили в мокрый асфальт всего в двух шагах от Элиаса. Монстр взвился на дыбы, нависая над мальчиком.

Вертикальный зеркальный разлом на его морде распахнулся шире, и обсидиановый зрачок сфокусировался прямо на прорези маски Элиаса.

В ту же секунду сознание мальчика парализовал резкий, ледяной спазм. Чудовище не пыталось разорвать его стальными спицами или вцепиться в горло — у него не было зубов. Оно начало вытягивать его первый сон. Перед глазами Элиаса мгновенно, с пугающей четкостью вспыхнула картинка из глубокого детства: он, пятилетний испуганный ребенок, сидит на холодном полу приюта «Серые холмы», а Мира протягивает ему теплое лавандовое печенье, обещая, что они со всем справятся. Но сейчас эта картинка начала стремительно бледнеть, терять краски и таять, буквально вытягиваясь в зеркальную пасть чудовища. Элиас физически почувствовал: как только этот сон окончательно исчезнет, часть его собственной души и человеческой памяти умрет навсегда, освобождая место для ртутной пустоты Корвуса.

— ХРОНОМЕТР! — истошно, на пределе связок закричала Сара, отчаянно пытаясь перезарядить заклинивший затвор винтовки. — СНИМАЙ ЧЕХОЛ, ЭЛИАС! ГАСИ ЕЁ КОНТУР!

Мальчик, преодолевая сковавший мышцы ледяной паралич, судорожно дернул за кожаный шнурок на своей шее. Свинцовая защита, созданная доктором Вебером, соскользнула и упала в ртутную грязь под ногами. Оказавшись на свободе, старинный медный хронометр мгновенно отозвался диким, вибрирующим ревом, который эхом прокатился по всему переулку. Металл корпуса раскалился за секунду, прожигая плотную ткань штурмового комбинезона Сопротивления и обжигая грудь Элиаса. Стрелка часов рванула вперед с бешеной, неестественной частотой, отсчитывая секунды чужого, зазеркального времени. Тик-так-тик-так!

— СТЕКЛЯРУС! ПОДДЕРЖИ СВЯЗЬ! — из последних сил выкрикнул мальчик сквозь маску.

Кварцевый кот спикировал с обгоревшего карниза пятиэтажки прямо на зеркальную морду беснующейся гончей. Стеклярус яростно выгнул спину, и его разноцветная мозаичная шерсть вспыхнула чистым фиолетовым огнем. Его хрустальные когти с ужасающим скрежетом вонзились глу-

боко в обсидиановый зрачок твари, пробивая зеркальное полотно разлома. Гончая издала дикий, оглушительный визг, похожий на визг циркулярной пилы, наткнувшейся на железный рельс. Её ртутное тело на мгновение потеряло внутреннюю стабильность, начав хаотично бурлить и превращаясь в бесформенную, кипящую лужу жидкого металла. Связь Корвуса с монстром дрогнула.

Элиас не стал ждать ни секунды. Черные вены на его правом запястье яростно запульсировали, наливаясь темным сиянием и выплескивая накопленную «Тишину» Книги Без Страниц. Мальчик сделал решительный шаг вперед, сорвал перчатку и со всей силы вонзил свой обнаженный кулак с белым шрамом прямо в бурлящий, пенящийся центр ртутной массы чудовища.

— ПОГАСНИ! — во весь голос взревел он, закрывая глаза.

Волна серого, пепельного света вырвалась из его ладони, словно из брандспойта. Жидкая, вибрирующая ртуть гончей при соприкосновении с этой первородной силой Пустоты начала стремительно и необратимо менять свои физические свойства. Кипящий металл стал резко затвердевать, покрываясь толстой, матовой, шершавой коркой, в точности похожей на быстро застывающий цемент или серый известняк. Длинные стальные спицы её лап лопнули с сухим, хрусталь-

ным звоном, разлетаясь на мелкие осколки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.